

Александр Архангельский

Родина русской словесности

Русская литература, как заготовка в верстаке, зажата между пушкинской строкой «Итак, я жил тогда в Одессе» – и маяковской лесенкой «Это было, было в Одессе». Шлифуют словесность в столицах, однако форматируют в Одессе, и совершенно непонятно, почему именно здесь. Потому что теплая, веселая и вкусная, до умопомрачения мечтает быть французской? Может быть; не знаю; не уверен. Францией в России грезит все, а солнце греет в Сочи, Краснодаре, Ейске. И что с того? А ничего. Там ни Онегина, ни Облака в штанах, сплошные шашлыки и сборы урожая. Остается принимать одесскую литературность без объяснения причин.

Я был в Одессе три раза, и все три раза – по делам словесным. Впервые на излете перестройки – Евгений Добренко (Женя, ау! Каково одесситу в холодной Британии?) позвал на ахматовскую конференцию. В перерыве между скучными докладами он водил меня по городу, болезненно помнящему прежнее величие, грязноватому, красивому, как бывают все еще красивы опустившиеся женщины; в магазинах пахло скисшим молоком, и только на Привозе оказалось сытно и вольготно, как если бы советской власти вовсе не было. По крайней мере в мясных рядах.

Мы зашли в букинистический на Дерибасовской, и у меня глаза на лоб полезли. На полках ровным плотным строем стояли все тома «Библиотеки поэта»; все до единого – и, кажется, за сто бессмысленных рублей. Как мы доволокли эту тяжесть до почты, не знаю; дома, получив посылку, я распаковал картонные ящики, вынул книжку наугад (кажется, поэтический сбороч Карамзина) и на обороте титула прочел: «Осе от Изи в день рождения, с пионерским приветом». Спасибо тебе, Ося, и доброй дороги в Израиль;

что касается меня, то я тоже был пионером и поэтому всегда и ко всему готов.

Во второй раз я здесь оказался проездом в ноябре 1993-го; нужно ли уточнять, что в составе писательской группы? Из Одессы отбывал огромный философский пароход: сочинителей везли через Александрию в Хайфу, оттуда в Стамбул и обратно. Зачем везли? Никто не знает; кто платил, уже не помню. Помню только, что называлось это безобразие «Духовной Экспедицией Исток», и что Сергей Сергеевич Аверинцев, завидев берег Палестины, произнес: «Поздравляю нас: корабль разбойников прибыл во Святую землю». И еще помню, что Андрей Георгиевич Битов хвастал привезенной из Германии игрушкой – музыкальным собеседником; повернешь ключом, запустишь механизм, поднимешь рюмку – игрушка тебе отвечает перезвоном, уже и не так одиноко.

Стоял безнадежный ноябрь, ветер высвистывал душу, набережная обледенела. Нас, пассажиров, выпроводили в накопитель и оставили на несколько часов – что-то там на корабле не клеилось. Все были мрачны и помяты; Окуджава в короткой пижонской дубленке фланировал туда-сюда, не вступая ни с кем в разговор; Залыгин засунул руки в карманы надежного советского пальто, нахохлился по-стариковски и замер, не желая выпускать тепло; Астафьев, словно ожидая, что какой-нибудь очередной интеллигент подойдет и станет обличать его переписку Натаном Эйдельманом, презрительно лузгал семечки; Маканин, похожий на Горького, наблюдал за всеми острым глазом. А мы с поэтом Оле-сей Н., окончательно продрогнув, выкупили все запасы мерзавчиков «Smirnoff» в местном дьюти-фри и начали литературно согреться. Постепенно к нам присоединились и другие сочинители; в общем, когда была объявлена посадка, трап на ветру качался слишком сильно, а мороз, напротив, показался не таким кусачим. Звучали стихи, один из поэтов пытался скандалить, жизнь вернулась в родные пределы. Но когда корабль отчалил и неспешно пошел вдоль береговой линии, стал виден город, серый, недовольный, ушедший в тяжелые мысли, и настроение опять испортилось.

А в этот раз, в мае 2013-го, через двадцать долгих лет, он выглядел совсем иначе. (Понятно, что я вновь попал в Одессу по делам литературным – грандиозный фестиваль проходил здесь в мае.)

Добродушно, расхлябанно, самодовольно. В центре сравнительно чисто, пускай не буржуазной, а какой-то советской стыдливой чистотой. Проходя мимо одного из лучших ресторанов, можно запросто встретить самого Андрея Дмитриева, заедающего местное шардоне щучьей икрой, круто замешанной на сливках. По-прежнему грандиозен Литературный музей – хотя в одном из залов потолок сыпется, и денег на его ремонт не дают; заявившись поздно вечером, в саду возле музея слышишь сочное чтение стихов Кенжеева; откуда-то снизу поддает лечебным запахом жаренной на гриле скумбрии. И по-прежнему трогательно смешна беседка в парке на Дерибасовской, вокруг которой вытанцовывают пары под пение бессмертного хита: «Мой город – это просто что-то...».

Все поменялось. А Привоз такой же, как и был. Нигде ничего, а на нем все. *Задорага*. И атмосфера та же, и веселая грязнота, и то же физиогномическое деление: среди вещевых палаток продавцы зачумленные, пыльные, в молочном – беленькие тетки, чистенькие, как будто только что из душа, и немного брезгают нечистым покупателем. В рыбном густо пахнет морем; как говорят теперь в Одессе, ушла советская власть и вернулась рыба. А вот кому тюлечка, сухой посол... малосолька (откуда-то из-за спины параллельный бубнеж: «а я говорю, что тогда коммунист Горбачев, скотина, и коммунист Павлов...») – а вот кому сардель морская!!! («да что он мне будет говорить, – продолжается бубнеж из-за спины, – пусть сначала научится разговаривать, между одним его словом и другим его словом может пройти длинный товарный состав!»)

– Тююлечка...

Рядом с тюлькой, хамсой, мелкой макрелью – шипованные груди толстых камбал. Орденоносная рыба, горделивая.

В общем, из рыбных рядов я сбежал, потому что при виде соленой рыбы, которой мне нельзя, начинаю понимать алкоголиков: ноги делаются ватные, в голове туман, и ты идешь на запах, как кролик к удаву.

Но прежде чем сбежать и вернуться в Литмузей на фестиваль, успел подумать: нет ничего общего между этим протяжным «тююлечка» и утонченно-глубоким «Онегиным»; ничего, кроме необъятной воли языка, на которой и основана литература.

Москва